
▪ УРОКИ ВОЙНЫ

Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики*

А. С. Сенявский, Е. С. Сенявская**

Статья посвящена проблеме эволюции исторической памяти о Второй мировой войне в России и на Западе в связи с изменением международной обстановки, складыванием новых геополитических реалий в результате распада СССР и «лагеря социалистического содружества», переоценкам исторических событий в контексте последующих процессов на постсоветском пространстве и современной идеологической и политической конъюнктуры. Рассматриваются особенности восприятия войны победителями и побежденными, проблема сопричастности событиям прошлого и эволюция образа бывших противников в сознании новых поколений народов — участников войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война, историческая память, современная геополитика, идеологическая и политическая конъюнктура, переоценки прошлого.

Keywords: the Second World War, historical memory, modern geopolitics, current ideological and political situation, reassessment of the past.

Рубеж 1980–1990-х гг. явился крупным, международного значения поворотным пунктом динамики исторической памяти о войнах XX в. Вследствие распада «социалистической системы» и Советского Союза подверглись переоценкам все военные события столетия и особенно — Вторая мировая война. Этот процесс затронул все страны: и ведущие державы Запада, и бывшие страны «соцлагеря» в Восточной Европе, и новые государства, прежде входившие в состав СССР, включая постсоветскую Россию.

Следует отметить, что исторический поворот конца 1980-х гг. имел ряд составляющих, которые по-разному повлияли на эти страны и, соответственно, историческую память их народов. Речь идет о капиталистической реставрации в странах бывшего «социалистического содружества» со

всеми вытекающими последствиями, в том числе в области идеологии, пропаганды, воздействия на массовое сознание. В этом контексте интерпретация многих событий, особенно имевших отношение к социалистическому периоду в этих странах, закономерно подверглась инверсии: говоря упрощенно, знаки плюса и минуса поменялись местами. Так, в Российской Федерации во многом изменилась трактовка истории революции 1917 г. и Гражданской войны. Внесены были существенные коррективы и в оценку внешнеполитического курса советской эпохи, включая военные события, хотя здесь изменения были не столь радикальными. Аналогично в бывших соцстранах корректировалась их история, особенно периодов «революционных переходов» и связанных с ними или предшествовавших им военных событий.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 08-01-00496а.

** **Сенявский Александр Спартакович** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра «Россия и СССР в истории XX века»; **Сенявская Елена Спартаковна** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, лауреат Государственной премии РФ, действительный член Академии военных наук.

Другой пласт перемен с конца 1980-х гг. затронул геополитические изменения на карте мира, соотношение сил между государствами и их коалициями. Соответственно, с одной стороны, победители в «холодной войне» получили явное преимущество и в текущей политике, и в возможности продвигать такие свои интересы, которые были немислимы в прежней системе международных отношений. С другой стороны, изменились или выявились скрывавшиеся прежде геополитические интересы стран — осколков «соцсодружества» и новых государств, возникших на развалинах СССР, что закономерно привело к попыткам ревизии многих исторических событий и вытекавших из них правовых следствий (в виде зафиксированных международными нормами границ и т. д.). Продвижение НАТО на Восток явилось мощным фактором, подкреплявшим эти претензии. Наконец, геополитический наследник СССР — Российская Федерация — оказалась в ситуации новых геополитических реалий и возможностей, причем существенно урезанных. Одновременно Россия стала объектом мощного давления со стороны стран Запада, навязывающего ей роль побежденной в «холодной войне» страны, и объектом разнообразных притязаний и претензий со стороны соседей, — как новых постсоветских государств, так и бывших союзников по «соцлагерю». И здесь интерес новой России во многом заключается в сохранении, возможно более полном удержании тех элементов системы международных отношений, которые способствуют обеспечению ее безопасности. Эта система сформировалась именно в советскую эпоху, главным образом в результате Второй мировой войны. В такой, очень непростой ситуации происходила и трансформация исторической памяти, в том числе и о войнах XX века в указанных странах с очень разными «историческими» интересами.

Ревизии или «корректировке» в той или иной степени подверглись оценки практически всех войн XX столетия. Но наиболее яростные атаки направлены на представления о Второй мировой войне и Ялтинско-Потсдамскую систему. Причина заключается в том, что эта система зафиксировала итоги войны и строилась на основе сложившегося тогда соотношения сил в мире. Радикальные изменения этого соотношения к началу 1990-х гг., естественно, поставили под вопрос не только существование самой системы, но и интерпретацию Второй мировой войны, следствием которой она являлась. Критика стала раздаваться со стороны как основных побежденных стран и их союзников, так и США, которые остались единственной сверхдержавой и претендуют на принципиально новое место в мире.

Причем в том, что касается России, в большинстве стран используется практика двойных стандартов. СССР, который действовал в рамках общепринятой практики международных отношений, обвиняется во всех смертных грехах, тогда как аналогичные или даже куда менее «корректные» действия других стран

признаются правомерными. Например, замалчивается ответственность западных держав за Мюнхенский договор, откровенно поправший нормы международного права и толкнувший А. Гитлера к территориальной экспансии в Европе, но «демонизируется» пакт Молотова–Риббентропа, явившийся для СССР лишь ответом на ситуацию, при которой не получалось иным способом гарантировать безопасность страны. При этом парадоксальной и во многом комичной выглядит позиция некоторых стран, активно обличающих этот пакт, но при этом получивших от него очевидный выигрыш. Например, Литва именно благодаря секретному протоколу к этому пакту получила территориальные приращения в виде Виленской области со своей современной столицей Вильнюсом. В октябре 1939 г., то есть через два месяца после подписания протокола, получив Вильню, Литва ликовала, отмечая это праздничными манифестациями, а отнюдь не возмущалась «позорным сговором»¹. Осуждая итоги Второй мировой войны, та же Литва почему-то не отказывается и от других территориальных приращений, в том числе порта Клайпеды.

Не отказывается и Польша, которая приобрела Силезию и часть Восточной Пруссии, при этом предъявляя многочисленные обвинения СССР и претензии к России. Поляки забывают, как их руководство накануне Второй мировой войны вело активные переговоры с нацистской Германией на предмет присоединения к Антикоминтерновскому пакту и совместному походу на восток, если та поддержит притязания Польши на Украину. Польша, которая пытается сейчас представить себя невинной жертвой двух агрессоров, отнюдь не являлась таковой. Обвиняя сегодня СССР в очередном разделе Речи Посполитой, сама она в 1938 г. с готовностью воспользовалась Мюнхенским сговором, чтобы выдвинуть собственные территориальные претензии при разделе Чехословакии, потребовав Тешинскую Силезию (Заользье — *Прим. ред.*). Между тем, СССР по этому пакту лишь возвратил территории дореволюционной России, которые были отняты у нее в период Гражданской войны и интервенции, включая агрессию Польши в 1920 г. В 1939 г. И. В. Сталин был отнюдь не более циничен, чем польские политики того времени, а точнее — прагматичен, защищая национально-государственные интересы своей страны и стараясь обеспечить ее безопасность в условиях угрозы, в том числе и со стороны Польши, сговаривавшейся с А. Гитлером о разделе СССР.

Не нужно забывать и о прогерманской позиции Прибалтийских государств в конце 1930-х гг., так что их попытки предстать невинной жертвой сталинской экспансии также не выдерживают критики. И уж совсем откровенно циничными являются реабилитация, и даже возведение в ранг национальных героев пособников Гитлера в этих странах, открытие им памятников и проведение маршей ветеранов СС.

Особенно наглядно тенденции усиления профашистских настроений в Прибалтике проявились в год 60-летия окончания Второй мировой войны. Так, президенты Литвы и Эстонии отказались приехать в Москву на празднование Дня Победы. Несколько месяцев ранее, в начале февраля 2005 г. президент Латвии Вайра Вики-Фрейберга публично оскорбила ветеранов войны, заявив о том, что невозможно изменить сознание пожилых россиян, которые «9 мая будут класть воблу на газету, пить водку и распевать частушки, а также вспоминать, как они геройски завоевали Балтию»², а 15 марта опубликовала официальное заявление, в котором призвала латышей воздержаться от празднования 9 мая. 16 марта при попустительстве президента в Латвии прошел нацистский митинг. В столице Эстонии 8 мая 2005 г. состоялось открытие мемориала гитлеровскому вермахту и эстонцам, воевавшим на стороне нацистской Германии, участникам «оборонительных боев против Красной Армии», причем на церемонии присутствовал премьер-министр страны Андрус Ансип. В ночь на 9 мая в центре Таллина был осквернен монумент советскому Воину-освободителю, а накануне мэрия города запретила ветеранам Великой Отечественной войны зажигать в День Победы у этого памятника вечный огонь³. Два года спустя, 27 апреля 2007 г. по решению правительства Эстонии памятник «Бронзовому солдату» был разобран и перенесен из центра города на военное кладбище Таллина. Демонтаж монумента и снос мемориальной стены повлекли за собой массовые волнения в Таллине и других городах Эстонии⁴. При этом прибалтийские государства требуют от России официальных извинений за «советскую оккупацию», «покаяния» за пакт Молотова–Риббентропа, несмотря на то, что еще в 1989 г. Верховный Совет СССР дал ему четкую правовую и моральную оценку. В данной связи В. В. Путин подчеркнул: «...Подобные претензии не имеют никаких оснований, носят откровенно спекулятивный характер. Полагаю, что их цель — привлечь к себе внимание, оправдать неблагоприятную, дискриминационную политику правительств в отношении значительной части собственного русскоязычного населения, прикрыть стыд былого коллаборационизма. У каждого нормального человека вызывает возмущение то, что в этих странах эсэсовцам устанавливают памятники, разрешают проводить свои сборища. ... Решения международного сообщества, в том числе Нюрнбергского трибунала, однозначно осуждают любые формы сотрудничества с нацизмом — вне зависимости от места и времени»⁵.

Обращение к историческим событиям приобретает характер откровенного давления на современную Россию. То, что при существовании СССР в международных отношениях невозможно было и помыслить, превращается в реальность. Например, в странах Запада, которые сами были партнерами в строительстве Ялтинско-Потсдамской системы,

открыто подвергаются сомнению те аспекты в изменении миропорядка, которые были зафиксированы в международных правовых документах в интересах СССР, при этом ни в коей мере не затрагиваются изменения, в которых до сих пор заинтересованы страны Запада и их нынешние союзники⁶. Включение в орбиту НАТО стран Восточной Европы, в том числе ряда бывших союзных республик СССР, позволяет им не только ставить вопрос о ревизии некоторых итогов Второй мировой войны, предъявлять обвинения и претензии к России, но и лоббировать свои интересы в ведущих странах Запада, использовать их государственные институты для давления на Россию с целью переоценки истории и получения от этого реальных политических и иных дивидендов.

Яркий тому пример — позиция политиков США в отношении Прибалтики. Так, 20 мая 2005 г., всего 11 дней спустя после празднования 60-летия Победы над нацизмом во Второй мировой войне, Сенат США принял резолюцию с требованием к правительству России признать и осудить «незаконную оккупацию и аннексию Советским Союзом с 1940 г. по 1991 г. прибалтийских стран — Эстонии, Латвии и Литвы». В резолюции утверждалось, что их включение в состав СССР было «актом агрессии, осуществленной против воли суверенных народов». 23 июля аналогичную резолюцию приняла Палата представителей конгресса США⁷.

Память о Второй мировой войне весь послевоенный период являлась областью идеологических столкновений и попыток переписать историю в угоду геополитическим и иным интересам стран Запада, которые и ранее пытались приписать себе основную заслугу в победе над нацистской Германией. Причина идейных столкновений вокруг этой войны заключается, наряду с прочими, в ее особой значимости для целого ряда военных и послевоенных поколений. Так, по данным социологического опроса 1985 г., среди наиболее важных событий за последние полвека на первом месте американцы назвали Вторую мировую войну (почти 30%)⁸. Причем многие респонденты подчеркивают, что это было «большое мировое столкновение», «война справедливая, в которой мы сражались и победили», и война значимая, которая вызвала «создание новой мировой структуры»⁹. Еще более существенное место Вторая мировая война занимала и занимает в российском историческом сознании. Поэтому «сражение за умы» в этом принципиально важном вопросе носило не только «абстрактный» характер, но и всегда имело политическое значение.

Вместе с тем, в период существования СССР попытки «подправить» историю были относительно ограниченными и не ставили под сомнение сами основы интерпретации причин и характера Второй мировой войны, в том числе общих для союзников по антигитлеровской коалиции задач в войне и итогов совместной победы. С конца 1980-х гг. началась эскалация ревизии исторической памяти. При этом

предметом «переосмысления» оказались инициаторы и виновники войны, характер войны для разных сторон, ход войны, вклад ее участников в Победу, цена Победы, роль руководства и народа, мотивы участия в войне власти и народа, кто являлся победителем, да и была ли сама Победа, и многое другое. После распада СССР беззастенчиво стали переставляться акценты в оценках не только роли участников войны, но и в причинах ее начала и в самом ее характере. Появилась тенденция ставить на одну доску И. В. Сталина и А. Гитлера, Третий Рейх и Советский Союз.

Историческая память о войне подверглась атакам как изнутри страны, так и извне. Наиболее радикальные российские политики, публицисты, историки не только раскрывали «белые пятна», ставя запретные ранее вопросы и рассекречивая документы, но некоторые из них необоснованно переставляли акценты в оценках и даже откровенно фальсифицировали историю по принципу «чем хуже, тем лучше», считая, что разрушение исторической памяти является необходимым условием разрушения «тоталитарного режима» и его идеологии. Но дело в том, что в своей деятельности они смыкались с внешними критиками России, которые руководствуются далеко не только формально-идеологическими соображениями, но и собственными геополитическими интересами, враждебными интересам России как таковой, в том числе и «новой». И сегодня ей для того, чтобы отстоять свои законные права, ранее обеспеченные нормами международного права и общепризнанными договорами с другими государствами, заключенными в результате исторических, в том числе военных событий, приходится часто напоминать об исторической правде и отстаивать ее от многочисленных посягательств, диктуемых не только абстрактными «общечеловеческими ценностями», но и вполне корыстными целями.

Вместе с тем, российское историческое сознание демонстрирует весьма значительную устойчивость. Как и ранее, в социологических исследованиях начала 1990-х гг. важнейшим событием XX в. признавалась Великая Отечественная война, занимая первое место, причем этот порядок в оценке событий не изменился и в последующие годы. По данным репрезентативного обследования ВЦИОМ в 1989 г. самым выдающимся событием XX в. ее назвали 77%, а в 1994 г. — 73% опрошенных. Значимость этой войны для истории страны отметили 70% опрошенных в возрасте до 25 лет и 82% опрошенных старше 50 лет¹⁰. В ноябре 2004 г. было проведено общероссийское социологическое исследование «Великая Отечественная война в исторической памяти народа», в ходе которого более 90% респондентов указали, что события Великой Отечественной войны в той или иной степени их интересуют, а День Победы 9 мая является для них праздником¹¹. Таким образом, Великая Отечественная война рассматривается как позитивная символическая ценность, причем во всех поколениях россиян. В условиях ценностной дезориентации российского

общества она фактически остается одной из немногих опор национального самосознания, которое отторгло многочисленные попытки ревизии оценок событий и итогов этой войны, предпринятые в 1990-е гг.¹² Для России историческая память о Великой Отечественной войне и Великой Победе играет особую роль, выступая фактором общественного единения и мобилизации моральных сил народа для дальнейшего поступательного развития страны.

Пожалуй, пик интереса к исторической памяти о Второй мировой войне и одновременно массивных атак на роль в ней СССР пришелся на 2005 г. — год 60-летия Победы. Особенно активно на этот информационный повод отреагировали западные средства массовой информации. В специальном обзоре «РИА Новости», подготовленном на основе мониторинга теле- и радиозифира 86 зарубежных радиостанций и телекомпаний 19 апреля 2005 г., констатировалось: «Информационная возня по поводу исторической интерпретации Великой Отечественной войны не обходится без арсенала пропаганды ужасов. Опора журналистов на субъективную мемуарную память, личный опыт бывших участников сражений и откровенные домыслы геббельсовской пропаганды приводит к тому, что на первый план выходят образы, связанные с местью, ненавистью и насилием, мало способствующие консолидации общественного мнения и воскрешающие прежние внешнеполитические установки. Постулируется наличие „темной стороны“ освободительного подвига Красной армии, которую якобы замалчивают в современной России»¹³.

Таким образом, сознательно переставляются акценты в оценках, возбуждаются отрицательные эмоции в отношении страны и армии-освободительницы, фабрикуется их негативный образ, внедряемый в массовое сознание. При этом даже не упоминается главное — тот факт, что СССР и советский народ явились спасителями Европы от человеконенавистнической стратегии А. Гитлера на уничтожение целых государств и народов, причем огромной ценой десятков миллионов жизней и колоссальных материальных потерь. Забывается и то, что славянские и другие народы, в том числе Советского Союза, стали объектом нацистского геноцида. Не помнят и того, что СССР спас от уничтожения не только народы Европы, но и западные демократии, которые теперь пытаются ставить на одну доску агрессора и его жертву, гитлеровскую Германию и Советский Союз.

И вот уже со всех сторон звучат обвинения в том, что СССР «не так» пытался отсрочить нацистскую агрессию, что «плохо воевал», добывая победу большой ценой, «плохо освобождал» Восточную Европу, стремясь впоследствии не допустить повторения нашествия с Запада созданием барьера из дружественных себе стран. Запад формулирует эти претензии так: он требует от России «покаяться» «за вторжение в Восточную Европу и насильственное утверждение

там марионеточных режимов, просуществовавших до рубежа 1980-х — 1990-х гг.»¹⁴. При этом политика двойных стандартов проявляется все более открыто. Выдвигая свои необоснованные обвинения, «демократические режимы Европы, требующие от России покаяния за тоталитарное прошлое, не стремятся извиняться за собственные преступления»¹⁵.

Официальное празднование Дня Победы в Российской Федерации с приглашением на торжества глав государств и политических лидеров многих стран еще более возбудило интерес мировой общественности к этому событию, заставив и средства массовой информации, и общественное мнение «сверить часы» в его освещении и оценке. Значимость этого юбилея подчеркивается еще и тем обстоятельством, что это был праздник прежде всего для ветеранов — для уходящего поколения, из которого мало кто сможет дожить до следующего юбилея. По существу, это последний юбилей, который отмечался при жизни непосредственных носителей памяти о той войне. Тот факт, что центр празднования этой даты находился в России, куда приехали лидеры почти всех крупнейших государств, подчеркнул определенную связь времен, связь исторической памяти с политической значимостью этого события в мировой истории даже сегодня. Он объективно подчеркнул и фактическое признание решающей роли СССР в разгроме нацизма, хотя ряд государств (прежде всего Прибалтийских) воспользовался этим поводом для того, чтобы подчеркнуть свое неприятие праздника и исторической роли Советского Союза во Второй мировой войне.

В связи с многочисленными попытками ревизии исторической правды о Второй мировой войне российскому руководству пришлось напоминать о ней и расставлять адекватные акценты в интерпретации хода событий, их причин и следствий, роли СССР в Победе и многих других вопросов. Так, 7 мая 2005 г. во французской газете «Фигаро» была опубликована статья Президента России В. В. Путина «Уроки победы над нацизмом: Через осмысление прошлого — к совместному строительству безопасного гуманного будущего»¹⁶. Глава российского государства подчеркнул, что «...эта историческая дата по-прежнему остается священной для каждой нации, каждой страны, которой дороги идеалы свободы и гуманизма. ... Бесконечно долги и трудные четыре года наш народ сражался за будущую Победу. На пути к бункеру Гитлера наш солдат разгромил 600 вражеских дивизий. Три четверти потерь во Второй мировой войне нацисты понесли на Восточном фронте. Освободив в 1944 г. собственную территорию, Советская Армия перешла государственную границу СССР, чтобы избавить от нацистского зла еще одиннадцать европейских стран». Подчеркнув решающую роль СССР в Победе над нацизмом и освобождении народов Европы, он отметил, что «Вторую мировую войну выиграла все союзники по антигитлеровской коалиции... Это наш общий праздник. День Победы

принадлежит всем нам, это событие вселенского масштаба». Далее Президент РФ подчеркнул значимость памяти о войне: «Давая оценки событиям тех лет, мы должны в полной мере чувствовать нашу общую ответственность перед новыми поколениями. Поэтому важна не только историческая правда о войне, но и осознание ее нравственных уроков для современности». Напомнив о Мюнхенском соглашении, Путин подчеркнул, что никому не удалось «отсидеться в стороне», «умиротворить» Гитлера за счет интересов других стран», «откупиться от зла „за счет соседа“». И потому память о Второй мировой войне служит всем нам предостережением против повторения ошибок прошлого. Наконец, Президент подчеркнул, что «...учебники истории призваны быть объективными. Они должны доносить до наших граждан бесспорную правду о событиях тех лет»¹⁷.

Отстаивать эту правду Президенту России пришлось не раз в праздничные дни, отвечая на многочисленные, в том числе острые и даже провокационные вопросы зарубежных СМИ. Так, в интервью газете «Бильд» от 7 мая 2005 г. В. Путин еще раз напомнил, что именно Россия «внесла главный вклад в победу над гитлеризмом», потеряв почти 30 миллионов жизней и треть национального богатства. И совершенно недопустимо ставить знак равенства между двумя разными режимами — гитлеризмом и сталинизмом, агрессором и жертвой. «... Не могу согласиться с приравниванием Сталина к Гитлеру, — заявил он. — Да, Сталин, безусловно, был тираном... Но он ведь не был нацистом! И не советские войска 22 июня 1941 года перешли границу Германии, а совсем наоборот»¹⁸.

В последние годы некоторыми кругами на Западе активно ставится под вопрос Освободительная миссия Красной Армии в Европе, а также делается акцент на жестокость ведения советскими войсками боевых действий на территории Германии. На это в российский президент ответил так: «Безусловно, советские войска освободили Германию от национал-социализма. Это исторический факт. Естественно, во время войны пострадало и гражданское население Германии, но это не вина Советского Союза или Красной Армии. Не Советский Союз начал эту войну. В остальном же и наши западные союзники не отличались тогда особой человечностью. Мне до сих пор совершенно непонятно, зачем надо было уничтожать Дрезден. С точки зрения ведения военных действий в этом тогда не было абсолютно никакой необходимости»¹⁹.

Позиция западных союзников СССР по антигитлеровской коалиции в течение всего послевоенного периода состояла в том, чтобы приписать решающую роль в Победе себе, в частности, преувеличивая значимость других театров военных действий — на Тихом Океане (при этом основные участники событий в этом регионе представляют их именно как отдельную войну, принципиально отличную от событий на европейском театре военных действий),

в Африке и в Западной Европе после запоздалого открытия в 1944 г. Второго фронта и высадки англо-американских войск в Нормандии. В последние годы эта позиция усугубляется стремлением представить Освободительную миссию СССР в Европе не как освобождение, а как «новое порабощение» стран, оказавшихся в сфере советского влияния. Отсюда и откровенная ревизия Ялтинско-Потсдамской системы, на которой строился послевоенный мир в Европе, и даже приравнивание ее к Мюнхенскому сговору. В этой связи весьма показательным является заявление Президента США Дж. Буша, произнесенное им на праздновании приглашения Литвы в НАТО 23 ноября 2002 г.: «Мы знали, что произвольные границы, начертанные диктаторами, будут стерты, и эти границы исчезли. Больше не будет Мюнхена, больше не будет Ялты»²⁰. Тем самым глава американского государства отождествил Ялтинско-Потсдамскую систему с нацистской агрессией, а великого президента своей страны Ф. Рузвельта фактически поставил на одну доску не только с допустившими предательский Мюнхенский сговор лидерами Великобритании и Франции, но и с А. Гитлером.

Интересно и то, как в год 60-летия Победы оценивали Вторую мировую войну и роль в ней СССР лидеры ряда Европейских государств. Несмотря на мощную тенденцию на Западе к пересмотру характера и итогов войны, некоторые из них вполне объективны и считают необходимым предостеречь от попыток переписать историю, предупреждают об опасности забвения ее уроков. Так, Президент Словацкой Республики И. Гашпарович назвал Победу над фашизмом «одним из самых важнейших событий словацкой, европейской и мировой истории в прошлом столетии... Повторение исторических ошибок, — подчеркнул он, — ждет любое общество, которое сознательно или из-за легкомысленности забыло об уроках своей истории. Ничего подобного произойти не должно — именно в этом заключается завет Победы над фашизмом». Об историческом значении Победы говорил и Президент Венгрии Ф. Мадл: «Мы никогда не сможем забыть о тех жертвах, которые понесли народы Советского Союза ради достижения Победы. В честь этого ведущие политики мира сейчас соберутся в Москве. Этот день имеет определяющее значение для истории Европы. Если бы история 60 лет назад сложилась иначе, мы сейчас едва ли смогли бы пользоваться теми ценностями, которые воспринимаются теперь как естественные». Председатель правительства Республики Сербии В. Коштуница подчеркнул: «Убежден, что истина о героическом подвиге Вашего народа, Вашей страны и их решающем вкладе в достижение Великой Победы за свободу всего человечества никогда не будет забыта. Сегодня мир был бы иным и не наслаждался завоеванной свободой, не прегради российский народ ценой невиданных миллионов жертв путь фашизму...»²¹.

Пожалуй, наиболее емко и убедительно охарактеризовал современную ситуацию с исторической

памятью о войне Президент Чешской Республики В. Клаус, подчеркнувший, что «победа над нацистской Германией была Великой и действительно исторической победой». Он отметил, что в последнее время все чаще наблюдаются попытки пересмотра оценок итогов Второй мировой войны. Историю, по его словам, нельзя переписать или исправить. В своем выступлении по случаю празднования 60-летия освобождения Северной Моравии президент, в частности, сказал: «Мы часто слышим рассуждения, в которых окончание Второй мировой войны интерпретируется иначе по сравнению с тем, как оно было пережито миллионами наших сограждан. Исчезает понятие освобождения и начинает преобладать акцент на послевоенном периоде истории. Окончание Второй мировой войны рассматривается как начало новой тоталитарной эпохи, которая вскоре наступила в нашей части Европы на четыре долгих десятилетия. Я убежден, что подобная оценка этого исторического события, которая, вне всяких сомнений, означала освобождение от нацизма и окончание немецкой оккупации, а также, собственно, и всей Второй мировой войны, не должна возобладать... Мы не имеем права смотреть на прошлое с иной позицией, нежели с позиции исторической. Мы не имеем права забывать об очередности фактов, причинно-следственной связи. Мы не можем якобы „гуманистически нейтрально“ анализировать трагические события войны и периоды непосредственно после нее, то есть с точки зрения некоей „симметрии страданий“. Люди, которые сегодня выступают с подобными идеями, постоянно требуют от нас делать все новые и новые некие „жесты примирений“, которые, однако, фактически уравнивают между собой палачей и жертв, а иногда даже и меняют их местами»²².

Конструктивная память о Второй мировой войне должна быть направлена не на обострение проблем и противоречий, а на утверждение ценности единства мира и согласия. Однако базироваться они могут только на исторической правде, на тех ценностях, которыми руководствовались страны Антигитлеровской коалиции в борьбе с фашизмом, с нацистской агрессией, расизмом и геноцидом. Попытки умалчивать правду о войне, переписывать историю, переставлять акценты в ее интерпретации выгодна только тем силам, которые стремятся к усилению конфронтации. В этом отношении гораздо более позитивной оказалась инициатива России и группы стран СНГ, к которым присоединились и другие государства, объявить 8 и 9 мая Днями памяти и примирения. Генеральная ассамблея ООН без голосования приняла соответствующую резолюцию, где говорится, что историческая победа в мае 1945 г. создала условия для учреждения Организации Объединенных Наций, призванной избавить грядущие поколения от бедствий войны, и что отныне 8 и 9 мая будут отмечаться ежегодно как дни памяти жертв Второй мировой войны»²³.

Празднование 60-летнего юбилея Победы внесло свой вклад в защиту исторической памяти, правды о Второй мировой войне, и вместе с тем обозначило все болевые точки по этому вопросу как в массовом сознании, так и в представлении политиков разных стран мира.

Важный пласт проблем, связанных с исторической памятью о войне, заключен в теме «Война глазами победителей и побежденных». Историю войн с древности, как правило, писали победители. Однако после войн нового и новейшего времени обычно сохранялись побежденные страны, государства и народы с их самосознанием, культурой и т. д. Естественно, они тоже пытались осмыслить проигранную войну. И образы одной и той же войны у победителей и побежденных всегда существенно различались.

Память о войне весьма дифференцирована. В случае победы война обычно ложится в «копилку» национальной памяти, становясь предметом гордости за свою армию, страну, государство и т. д. В случае поражения о войне стараются либо забыть, либо переставить акценты так, чтобы отсечь вызываемые ею отрицательные эмоции и, напротив, вызвать положительные, а для этого используются разные средства. Например, акцентирование внимания на героических или победоносных эпизодах войны, героизация отдельных воинов и военачальников, поиски «объективных причин» поражения и т. д.

Интересно то, как формировалась и эволюционировала историческая память Германии о Второй мировой войне. Немецкий историк Рейнхард Рюруп, рассуждая на тему о том, «как немцы обошлись с памятью о войне», констатировал, что «большинство немецкого населения восприняло 1945 год как поражение, а освобождение от нацизма — как поражение. ... За исключением некоторых известных публицистов значительное большинство немцев в первые послевоенные годы было не в состоянии открыто и беспощадно критиковать то, что совершила Германия в Советском Союзе. ... На первый план вышли собственные страдания и потери, боль от смерти близких, забота о военнопленных и пропавших без вести, бегство и ежедневная борьба за выживание. Казалось, что собственные страдания сделали народ неспособным к восприятию немецких преступлений и немецкой вины. Едва прошел первый испуг, начали говорить о несправедливости других, о „юстиции победителей“»²⁴.

Эта тенденция переакцентировки, особенно по прошествии времени, в оценках войны психологически закономерна. Как высказался один из участников дискуссии в Интернете по поводу официальной трактовки истории Второй мировой войны, принятой сегодня в государствах Прибалтики, «у разных народов существуют мало похожие друг на друга „альтернативные истории“, и «причиной столь странного

и совершенно разного отношения к историческим событиям... является отнюдь не желание человека узнать правду о дне вчерашнем, а желание комфортно жить в дне сегодняшнем... Именно поэтому так отличаются трактовки одного и того же исторического события у разных людей и разных народов... В прошлом человек ищет опору и оправдание для настоящего»²⁵. Когда эти психологические закономерности дополняются государственными интересами, подобное явление переоценок и даже оценочных инверсий становится вполне объяснимым: политика смыкается с массовыми общественными настроениями и опирается на них, даже если «новые интерпретации» полностью противоречат исторической правде.

Вот как пишет об этом российский социолог А. Г. Здравомыслов: «Для каждого из государств, участвовавшего в войне, существует собственный рассказ, который оказывается для стран-победителей — средством воспроизводства национального самосознания, для стран, потерпевших поражение — фактором, дезавуирующим роль национального начала! В силу этого обстоятельства рассказ о войне в этих странах, и, прежде всего, в Германии, непопулярен. Этот „рассказ“ желательно вытеснить из памяти!.. Но поскольку это невозможно, постольку возникает искушение включить в него какие-то оправдательные аргументы, прежде всего, за счет такого представления победившей стороны, которое дезавуирует значение и смысл самой победы, приравнивает в каких-то отношениях „победителя“ и „побежденного“, палача и его жертву. Концепция тоталитаризма как раз и предоставляет логические средства для отождествления „фашизма“ и „коммунизма“. В постсоветский период это отождествление доведено до крайности в „Черной книге коммунизма“. Основой этой работы является своего рода инверсия, осуществленная с помощью изменения оценки реальных исторических событий и фактов»²⁶.

Отношение к войне потерпевших поражение (Германия и ее союзники) характеризуется попытками вытеснения из исторической памяти самого события, отказом от коллективной вины немцев и перекладыванием ответственности на руководство (остальные — «исполняли приказ»), подменой виновников развязывания войны (теория «превентивного удара»), палача и жертвы, обвинением победителей (в первую очередь, Красной Армии) в жестокости, насилиях, преступлениях, акцентированием внимания на частных вопросах, на страданиях самих немцев, и др. Однако, наиболее объективные германские историки признают: «Не подлежит никакому сомнению, что эта война велась немцами преступным образом и что она должна быть отнесена к величайшим преступлениям в истории»²⁷. Конечно, этот факт и эта оценка с трудом принимаются массовым национальным сознанием в современной Германии. Более того, тенденция «вытеснить» память о войне, провести ревизию и переакцентировку оценок характерны и для профессиональных историков,

и для немецкой интеллектуальной элиты в целом. Вот как выглядят тенденции в динамике исторической памяти о Второй мировой войне, выявленные А. Г. Здравомысловым в результате экспертных интервью с ее представителями: «Судя по публикациям на тему о войне и по оценкам моих респондентов, вектор движения немецкого общественного мнения может быть обозначен следующими вехами:

- стремление ввести в дискурс концепцию „равной ответственности“ Германии и Советского Союза за развязывание войны и равной „ужасности“ войны и, как следствие, дегероизация воинского подвига советской стороны. Например, вводится тема сотрудничества РККА с вермахтом в 1920-е, и даже 1930-е гг., при этом „проба сил“ в Испании после франкистского переворота остается вне поля зрения;
- преуменьшение вклада Советского Союза и Красной Армии в разгром фашизма в пользу союзников. Сам СССР рассматривается как „неправильный союзник“. Например, Сталинградская битва приравнивается к сражению при Эль-Аламейне;
- выделение и подчеркивание при обращении к истории войны в Советском Союзе темы „коллорабационизма“. Так, Власов известен гораздо больше, чем Карбышев;
- продолжающаяся дискуссия об оценке окончания войны: что это было? — „поражение“ или „освобождение“? Массовое сознание и средства массовой информации склоняются в пользу „поражения“, несмотря на заявление отдельных политических деятелей Германии об „освобождении“ (при этом ни 8-е, ни, тем более, 9-е мая не являются национальными праздниками Германии);
- интерпретация создания и истории ГДР как оккупации Восточной Германии со стороны Советского Союза, приравниваемое к гитлеровскому режиму. Особенно наглядно эта интерпретация представлена на постоянной выставке в Берлине „Топография террора“;
- введение в массовое сознание немцев темы изнасилования немецких женщин советскими солдатами якобы с ведома военного и политического руководства страны в качестве одной из доминирующих тем;
- признание вины за холокост (уничтожение 6 миллионов евреев) при игнорировании вины перед русскими, поляками, белорусами, украинцами, то есть, перед народами, против которых проводились акции массового уничтожения»²⁸.

Как отмечает А. Г. Здравомыслов, проблема вины и ответственности за военные преступления и преступления против гражданского населения в общественном мнении ФРГ ранее ставилась весьма остро, причем если в 1960-е гг. преобладали мотивы индивидуальной ответственности, то к началу 1980-х гг. утвердилась концепция «коллективной ответственности нации»²⁹. Проблема вины немцев за

нацистские преступления рассматривалась на трех уровнях: «Во-первых, на индивидуальном уровне личной ответственности за деяния, совершенные именно этим человеком, включая членство в НСДАП и электоральное поведение 1932–1933 гг., участие в карательных и военных операциях на оккупированной территории. Во-вторых, на уровне институтов — организационных структур нацистского режима, часть из которых была признана Нюрнбергским трибуналом преступными организациями... Наконец, третий уровень ответственности и вины — общенациональный, состоящий в вычлениении тех традиций и компонентов немецкой культуры и свойств национального характера, которые были активно использованы нацистской пропагандой в целях мобилизации. Это, прежде всего, касается идей расового и национального превосходства немецкого народа, миф о неполноценности других народов Европы и мира в целом»³⁰.

Вместе с тем, в немецком обществе происходит смена поколений, а значит, и существенные изменения в массовом сознании, ключевым моментом которых является тезис, что молодые поколения не должны чувствовать себя виновными за дела отцов и дедов. Поколенческие сдвиги наряду с перечисленными выше содержательными изменениями в памяти о войне, позволяют утверждать, что трансформация исторической памяти немцев зашла достаточно далеко и характеризуется вытеснением «памяти побежденных и виновных».

В данной связи важно отметить и официальную позицию германского руководства, выраженную Федеральным канцлером ФРГ Г. Шредером в совместном интервью с Президентом России В. В. Путиным газете «Бильд» 7 мая 2005 г. «Одна из самых страшных войн в истории человечества была спровоцирована и начата Германией. Даже если наше поколение лично не виновато в этом, мы несем ответственность за все периоды нашей истории. В нашем понимании это означает, что наша главная задача — строить мирное будущее для нашей страны в рамках единой Европы. Возможность участвовать в ее реализации я рассматриваю одновременно как вызов и обязанность. Память о войне и национал-социализме стала частью нашей национальной идентичности. Хранить ее — наша моральная обязанность, которую мы должны будем нести всегда»³¹.

Эта ответственная позиция далеко не совпадает с массовыми настроениями послевоенных поколений немцев, особенно современной молодежи. Вместе с тем, тенденции, отмеченные А. Г. Здравомысловым, находят подтверждения и в данном интервью германского канцлера. Признав, что именно Россия вместе с союзниками по антигитлеровской коалиции освободила Германию и Европу от нацистской тирании, а русский народ заплатил за это наибольшую цену, Г. Шредер отметил, что «конец войны означал для многих людей в Германии и за ее пределами не только освобождение: с этой датой связаны также

изгнания, несчастья беженцев и новая несвобода»³². Как видно из этих слов, акценты смещаются даже в официальной позиции немецкой стороны.

Интересно и то, как отразились в немецкой исторической памяти отдельные важные аспекты войны. Например, восприятие противника, — как западных стран, так и СССР: «В отношении советских армий и после поражения продолжали сказываться антисоветские стереотипы, — отмечает Р. Рюруп. — Страх и ужас по отношению к советским войскам были распространены в значительно большей степени, чем в отношении англичан или американцев. Действительно, в первые дни прихода Красной Армии ее бойцами допускались значительные эксцессы, ограбления, насилие. Но публицист Э. Куби не ошибался, когда, оглядываясь назад, заявлял, что советские солдаты могли бы вести себя и как „карающая небесная рать“, руководствуясь одной лишь ненавистью к немецкому населению. Многие немцы более или менее определенно знали, что именно произошло в Советском Союзе, и поэтому опасались мести или расплаты той же монетой... Немецкий народ в действительности может считать себя счастливым — его не постигло правосудие»³³.

В этом контексте примечательна распространенная мифология относительно массового изнасилования немецких женщин советскими военнослужащими при якобы отсутствии подобных фактов в зоне наступления западных союзников. Эта тема в контексте общего давления на Россию активно муссируется в западных СМИ. Так, в год 60-летия Победы «...на Западе во всю мощь пропагандируется новая книга британского военного историка Макса Гастингса „Армагеддон: Битва за Германию, 1944–1945“, посвященная преступлениям Советской Армии против мирного населения Германии и немецких военнопленных. Историк рисует буквально ритуальное возмездие, чинимое Советской Армией проигрывавшим войну немцам, и даже называет его „первобытным „изнасилованием“ целой нации“»³⁴.

Однако мораль войны — совершенно иная, нежели мораль мирного времени. И оценивать те события можно только в общем историческом контексте, не разделяя, и уж тем более не подменяя причину и следствие. Нельзя ставить знак равенства между жертвой агрессии и агрессором, особенно таким, целью которого было уничтожение целых народов. Нацистская Германия сама поставила себя вне морали и вне закона. Стоит ли удивляться актам стихийной мести со стороны тех, чьих близких она хладнокровно и методично уничтожала в течение нескольких лет самыми изощренными и изуверскими способами?

На протяжении Великой Отечественной войны тема возмездия была одной из центральных в агитации и пропаганде, а также в мыслях и чувствах советских людей. Задолго до того, как армия приблизилась к вражеской границе, проходя по истерзанной оккупантами родной земле, видя замученных женщин

и детей, сожженные и разрушенные города и деревни, советские бойцы клялись отомстить захватчикам столицей и часто думали о том времени, когда вступят на территорию врага. И когда это произошло, были — не могли не быть! — психологические срывы, особенно среди тех, кто потерял свои семьи, убитые оккупантами.

Кстати, закономерность ненависти к Германии со стороны вступавших на ее территорию советских войск понимали в то время и сами немцы. В апреле 1945 г. 16-летний житель Берлина записал в своем дневнике слова одного из солдат вермахта, обращенные к толпе беженцев: «Прекратите ныть! Мы должны выиграть эту войну, мы не должны терять мужества. Если победят другие — русские, поляки, французы, чехи — и хоть на один процент сделают с нашим народом то, что мы шесть лет подряд творили с ними, то через несколько недель не останется в живых ни одного немца. Это говорит вам тот, кто шесть лет сам был в оккупированных странах!»³⁵ Он знал, о чем говорил.

Но советское руководство принимало меры против насилий и бесчинств по отношению к немецкому населению, объявляя такого рода действия преступными и недопустимыми, а виновных в них лиц предавая суду военного трибунала вплоть до расстрела. Так, выйдя на земли Восточной Пруссии, командующий 2-м Белорусским фронтом маршал К. К. Рокоссовский издал приказ № 006, призванный «направить чувство ненависти людей на истребление врага на поле боя», карающий за мародерство, насилие, грабежи, бессмысленные поджоги и разрушения. Отмечалась опасность такого рода явлений для морального духа и боеспособности армии. 20 апреля 1945 г. была принята специальная директива Ставки Верховного Главнокомандования о поведении советских войск в Германии³⁶. Политическая работа в войсках также была направлена на то, чтобы «направить чувство ненависти к врагу по правильному руслу»³⁷.

В то же время, если мы обратимся к документам немецкой стороны, то увидим, что еще до начала войны против СССР было заранее объявлено, что «в борьбе с большевизмом нельзя строить отношения с врагом на принципах гуманизма и международного права»³⁸, тем самым изначально допускались любые нарушения международного права в отношении мирного населения и советских военнопленных. Как один из многочисленных примеров программных заявлений немецкого руководства процитируем указ А. Гитлера как верховного главнокомандующего вермахта от 13 мая 1941 г. о военном судопроизводстве на войне с Советским Союзом: «За действия против вражеских гражданских лиц, совершенные военнослужащими вермахта и вольнонаемными, не будет обязательного преследования, даже если деяние является военным преступлением или проступком... Судья предписывает преследование деяний против местных жителей в военно-судебном порядке лишь тогда, когда речь идет о несоблюдении воинской

дисциплины или возникновении угрозы безопасности войск»³⁹. Или вспомним знаменитую «Памятку немецкого солдата» (ставшую одним из документов обвинения на Нюрнбергском процессе), где звучали такие «гуманные» призывы: «Помни и выполняй: 1) ...Нет нервов, сердца, жалости — ты сделан из немецкого железа... 2) ...Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не оставившись, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик... 3) ...Мы поставим на колени весь мир... Германец — абсолютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки... уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоём пути... Завтра перед тобой на коленях будет стоять весь мир»⁴⁰. В этом состояла политика нацистского руководства Германии по отношению к «расово неполноценным народам», к числу которых оно относилось и славян.

В отношении немецкого населения или военнопленных советское руководство никогда не ставило перед своей армией такого рода задач. Следовательно, мы можем говорить именно о единичных (особенно по сравнению с действиями немецкой стороны) нарушениях международного права при ведении войны. Причем, все эти явления были стихийными, а не организованными, и со всей строгостью пресекались армейским командованием.

Между тем, документы показывают, что в западных зонах оккупации отнюдь не было той идиллии, образ которой сегодня внушается немецкому, да и всему западному сознанию. Например, в докладе 7-го отделения Политотдела 61-й армии 1-го Белорусского фронта от 11 мая 1945 г. «О работе американской армии и военных властей среди немецкого населения» сообщалось: «Американским солдатам и офицерам запрещено общаться с местным населением. Этот запрет, однако, нарушается. За последнее время было до 100 случаев изнасилования, хотя за изнасилование получается расстрел»⁴¹. Однако вопрос о «бесчинствах Красной Армии» против немецкого населения сегодня раздувается на Западе до мифических размеров, тогда как аналогичные действия военнослужащих союзнических армий, чьи народы не испытали на себе ужасов нацистской агрессии и оккупации, — замалчиваются и отрицаются.

Забывается и поведение в сходных ситуациях граждан стран Восточной Европы, которые проявляли по отношению к побежденным немцам куда большую жестокость, чем наступавшие советские части. Так, в секретном докладе заместителя наркома внутренних дел, уполномоченного НКВД СССР по 1-му Белорусскому фронту И. Серова наркому внутренних дел Л. П. Берия от 5 марта 1945 г. отмечалось, что «со стороны военнослужащих 1-й польской армии отмечено особенно жестокое отношение к немцам»⁴², а в политдонесении политотдела 4-й танковой армии начальнику Политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майору Яшечкину от 18 мая 1945 г. «Об

отношении чехословацкого населения к немцам» сообщалось, что «За время пребывания в Чехословакии бойцы и офицеры наших частей были неоднократно очевидцами того, как местное население свою злобу и ненависть к немцам выражало в самых разнообразных, подчас довольно странных, необычных для нас формах... Все это объясняется огромной злобой и жаждой мести, которое питает чехословацкий народ к немцам за все совершенные преступления... Злоба и ненависть к немцам настолько велики, что нередко нашим офицерам и бойцам приходится сдерживать чехословацкое население от самочинных расправ над гитлеровцами»⁴³. Подробное перечисление и описание этих «необычных по форме» расправ (сжигание живьем на кострах, подвешивание за ноги, вырезание на теле свастики, и т. п.) мало отличается от того, что творили в оккупированных ими странах сами немцы. Однако столь буквальное исполнение ветхозаветного принципа «око за око, зуб за зуб», судя по документам, вызывало недоумение и неприятие у советских солдат, которые в понимании справедливого возмездия в большинстве своем исходили из принципа, что «не должны уподобляться немцам»⁴⁴.

Таким образом, сегодня на Западе и в Восточной Европе негативное отношение к русским целенаправленно подогревается и культивируется, в том числе искажением исторической памяти о Второй мировой войне: вытесняется память о советском солдате как освободителе и спасителе пострадавших от нацизма народов и внедряется фальсифицированный образ жестокого захватчика, «почти на полвека оккупировавшего восточно-европейские страны»⁴⁵.

В России в «образе войны» тоже присутствует такой важный компонент как «образ врага». В XX в. русские дважды сталкивались в смертельной схватке с немцами. Однако у русского народа восприятие немцев весьма существенно различалось после двух мировых войн: после Первой мировой недавнего противника вскоре уже не рассматривали в прежнем качестве, а после Второй враждебные чувства, неприязнь к немцам во многом сохранились в сознании нескольких поколений. И прошли десятилетия, прежде чем отношение к ним стало более или менее нейтральным. Весьма точно отражает его эволюцию ответ в ходе социологического опроса респондента, чей отец три года воевал на советско-германском фронте: «Тот факт, что в первой половине века наша страна дважды воевала с Германией, наложил на сознание всех советских людей определенный отпечаток. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что Вторая мировая война прочно заслонила в сознании большинства молодых людей Первую, которая началась еще до революции... Последняя война в большей или меньшей степени коснулась всех, и послевоенные поколения — это дети и внуки погибших или воевавших в этой войне. Поэтому отношение к ней — плод не только приевшейся государственной пропаганды, но и семейного воспитания. Думаю, что если у стар-

шего поколения здесь действуют не только разум, но и эмоции, то у молодежи эмоций меньше, и она винит в ужасах войны не немцев, а фашизм...»⁴⁶.

В феврале 2005 г., накануне 60-летия Победы, Институтом социально-политических исследований РАН было проведено крупномасштабное межрегиональное социологическое исследование «Ветераны о Великой Отечественной войне». В тематическом блоке, посвященном отношению к немцам, ответы распределились следующим образом. На вопрос «Какие чувства испытывали советские люди к немцам в годы войны?» 53% респондентов назвали «ненависть к немецким фашистам», 24% — «ненависть ко всем немцам», 18% — «ненависть к солдатам и офицерам вермахта», 5% затруднились ответить. На вопрос «Какие чувства испытываете Вы к бывшему противнику сейчас?» самый большой процент ответов — 58% — был — «никаких», «ненависть» назвали 15%, «сострадание» (!) — 17%, «уважение» — 9%, и только 1% респондентов не смогли ответить на этот вопрос. Ответы на еще два вопроса оказались более дифференцированными. Так, на вопрос, «Могут ли русские и немцы быть друзьями?» 56% участвовавших в опросе российских ветеранов войны ответили положительно, 13% — отрицательно и 31% затруднились ответить. Наконец, когда респондентов спросили «Есть ли у Вас желание встретиться с бывшими противниками?», 15% подтвердили, что желали бы такой встречи, 60% ответили, что такого желания не имеют, и 25% затруднились ответить на этот вопрос⁴⁷.

Естественно, что память ветеранов, переживших все ужасы войны, отличается от исторической памяти последующих поколений, которые уже не воспринимают события прошлого столь лично и остро. В совместном интервью Президента России с Федеральным канцлером ФРГ Г. Шредером газете «Бильд» от 7 мая 2005 г. В. В. Путин сказал: «Даже в самый тяжелый период войны руководство СССР призывало население не идентифицировать всех

немцев с нацистами: „Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается“. И это не было пропагандой. Это убеждение подавляющего большинства советских граждан... Немецкий народ во многом стал тогда жертвой политической безответственности своих тогдашних руководителей. Он был отравлен нацистской идеологией и втянут в кровавую бойню... Но... ненависть и ожесточенность, возникшие вследствие германской агрессии и установившиеся на оккупированных территориях, преодолеть было очень не просто. Для этого потребовалось время и немалые усилия политиков и миллионов людей как в Германии, так и в нашей стране, чтобы вернулись чувства уважения и взаимной симпатии, веками существовавшие между нашими народами. И я с полным основанием могу сказать, что именно граждане Советского Союза, несмотря на все пережитое, смогли простить... При этом в некоторых других странах мира... многие граждане к такому примирению так и не пришли». А канцлер Г. Шредер подчеркнул, что «...ввиду ужасов войны германо-российское примирение до сих пор остается политическим чудом»⁴⁸.

Следует подчеркнуть и то обстоятельство, что люди, в наибольшей степени влияющие сегодня на историческую память, — политики, идеологи, журналисты, ученые, — принадлежат преимущественно к поколениям детей и внуков участников и современников Второй мировой войны. Следствия этого противоречивы: с одной стороны, отсутствие непосредственного опыта участия в тех драматичных событиях позволяет более спокойно и рационально подходить к их оценке; с другой, — существует опасность и даже тенденция забвения и искажения образа войны и стоящей за ним исторической правды. Речь не только о «неинформированности», но и об отсутствии мотивации сохранить правду об уже далеком прошлом, о стремлении подменить истину такой интерпретацией, которая выгодна в рамках современной политической и иной конъюнктуры.

1. Нарочницкая Н. А. За что и с кем мы воевали. М.: Минувшее, 2005. С. 36–37.

2. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с вопросом СМИ относительно отдельных высказываний Президента Латвии В. Вике-Фрейберги. 03.02.2005 г. URL: http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/sps/BBA0F14BC-6C1F9D4C3256F9D00567836 (дата обращения: 07.08.2009).

3. Таллин: осквернили монумент советскому солдату. URL: <http://www.proua.com/news/2005/05/09/142455.html> (дата обращения: 07.08.2009).

4. Бронзовый солдат установлен на таллинском военном кладбище. URL: <http://www.rian.ru/society/20070430/64691127.html> (дата обращения: 07.08.2009).

5. Из сообщения пресс-службы Президента России, размещенного на официальном сайте МИД РФ по адресу: http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/sps/97B3AED890067D30C3256FFB0030159B

6. Нарочницкая Н. А. Указ. соч. С. 66.

7. Цит. по: Владимирский А. Предъюбилейная «альтернативная история»: Пакт Молотова–Риббентропа, оккупация Прибалтики и Катынское дело в российских СМИ и Интернете // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному форуму (Москва, сентябрь 2005). Под ред. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 16. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО–XXI, 2005. С. 237.

8. Шуман Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 49.

9. См.: Там же. С. 57.

10. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. 1997. № 5. С. 12–13.

11. См.: Меркушин В. И. Великая Отечественная война 1941–1945 годов в исторической памяти народа // Социология власти. 2004. № 6. С. 58, 60.
12. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 4.
13. «Зверства» Красной армии, или кровавый след освобождения // Россия в зарубежном теле- и радиоэфире. РИА Новости. № 046. 6–19 апреля 2005 г. С. 9.
14. Крестовский В. Война и новые идеологические маркеры в англо-американских СМИ // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. С. 148, 158.
15. Трубникова Н. Как публицисты Латинской Европы отмечали юбилей // Там же. С. 176.
16. Из сообщения пресс-службы Президента России, размещенного на официальном сайте МИД РФ по адресу: http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/sps/97B3AED890067D30C3256FFB0030159B
17. Там же.
18. Из сообщения пресс-службы Президента России, размещенного на официальном сайте МИД РФ по адресу: http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/sps/CC6729D638704446C3256FFC00363A0E
19. Там же.
20. Цит. по: Нарочницкая Н. А. Указ. соч. С. 66.
21. Из сообщения для печати «О юбилее Победы за рубежом» от 7.05.2005 г., размещенного на сайте МИД РФ: http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/sps/091195668ECBC03FC3256FFA004E45E8
22. Там же.
23. См.: <http://www.from-ua.com/news/41a2f33b6e002>
24. Рюруп Р. Немцы и война против Советского Союза // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 80.
25. Цит. по: Владимирский А. Предъюбилейная «альтернативная история»: Пакт Молотова–Риббентропа, оккупация Прибалтики и Катынское дело в российских СМИ и Интернете // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному форуму (Москва, сентябрь 2005). Под ред. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 16. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО–XXI, 2005. С. 228.
26. Здравомыслов А. Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. Беседы в Германии: 22 экспертных интервью с представителями немецкой интеллектуальной элиты о России — ее настоящем, прошлом и будущем — контент-анализ и комментарий. М.: РОССПЭН, 2003. С. 485.
27. Рюруп Р. Указ. соч. С. 79.
28. Здравомыслов А. Г. Указ. соч. С. 502–503.
29. Там же. С. 516.
30. Там же. С. 516–517.
31. Из сообщения пресс-службы Президента России, размещенного на официальном сайте МИД РФ по адресу: http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/sps/CC6729D638704446C3256FFC00363A0E
32. Там же.
33. Рюруп Р. Указ. соч. С. 80–81.
34. Крестовский В. Война и новые идеологические маркеры в англо-американских СМИ // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. С. 148, 157–158.
35. Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Документальная экспозиция города Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз. Под ред. Р. Рюрупа. Berlin: Argon, 1992. С. 255.
36. См.: Семиряга М. И. Как мы управляли Германией. М., 1995. С. 314–315; Российский Архив. Великая Отечественная война. Т. 15(4–5). Битва за Берлин. М., 1995. С. 220.
37. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 372. Оп. 6570. Д. 78. Л. 30–32.
38. См.: Приказ верховного командования вермахта от 6 июня 1941 г. относительно обращения с политическими комиссарами Советской Армии // Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Документальная экспозиция города Берлина... С. 46.
39. Там же. С. 45.
40. См.: Рагинский М. Ю. Нюрнберг: перед судом истории. М., 1986. С. 5.
41. Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 33.
42. Власть. 2000. № 6(357). (15.02.2000). С. 47.
43. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 161–163.
44. Шерстяной Э. Германия и немцы в письмах красноармейцев весной 1945 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 148.
45. Крестовский В. Указ. соч. С. 148.
46. Медведев Р. А. Русские и немцы через 50 лет после мировой войны // Кентавр. 1995. № 1. С. 15.
47. См.: Кузнецов В. Н., Иванов В. Н., Сергеев В. К. Юбилей Великой Победы. Материалы к научной конференции «60 лет победы в Великой Отечественной войне». М.: ИСПИ РАН, 2005. С. 36–37, 56–57.
48. Из сообщения пресс-службы Президента России, размещенного на официальном сайте МИД РФ по адресу: http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/sps/CC6729D638704446C3256FFC00363A0E